

Алексей ОЛЕКСЮК

ДИРИЖАБЛИ: ДИВЕРСИЯ

литературный конкурс

**Проект особого
значения**

12+

ЗАСЛОН

ЛитРес

Алексей Васильевич Олексюк

Дирижабли: Диверсия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67754427

SelfPub; 2022

Аннотация

В альтернативной реальности основным средством передвижения являются дирижабли. Один из них – научный дирижабль «Полюс» – терпит крушение при загадочных обстоятельствах. К месту крушения должна отправиться специально снаряжённая экспедиция. Но есть силы, которые стремятся помешать этому, что влечёт за собой целую цепь стремительно развивающихся событий.

В одном сюжете соединены элементы научной фантастики, стимпанка, шпионского детектива и приключений в духе «Одиссеи капитана Блада».

Алексей Олексюк

Дирижабли: Диверсия

1.

Тягучая душистая струя пива ударила в дно жестяной кружки, закрутилась белкой в колесе, ухватила себя за распушившийся хвост и свернулась калачиком, окончательно погребённая под белым сугробом горьковатой пены. Клим бросил несколько монет на липкую стойку и отошёл к свободному столику. В столь ранний час в трактире было тихо, малоллюдно. Половые старательно отмывали и скребли деревянные половицы. Хозяин скучал за стойкой: лениво ловил мух и, оборвав им лапки, складывал в пустую кружку.

Диссонансом в этой сонной тишине заскрипели ступеньки крыльца, крикнула рассохшаяся дверь: внутрь ввалился какой-то линиялый человек, усиленно старавшийся держаться незаметно и поэтому привлекавший к себе повышенное внимание.

Клим сразу сообразил, кого занесло в трактир попутным ветром. Несмываемый никакими эмоциями отпечаток профессии лежал на лице посетителя. Самым правильным решением было бы немедленно уйти: проскользнуть за спиной у направившегося к вожденной стойке линиялого господина, рывком (чтобы тот – у стойки – не успел обернуться) выбросить себя за дверь, прыгнуть с крыльца и скрыться за

ближайшим поворотом во дворах...

Но...слишком уж маловероятно было, что кто-то опознает его здесь, и слишком уж большим расточительством казалось оставлять нетронутое свежее пиво. Пока линиялый господин сдавленным шёпотом беседовал с хозяином трактира, Клим аккуратно сдул верхний слой пены и втянул в себя прохладную грусть осенних, прихваченных морозцем полей, лёгкую горечь и хмель отходящего лета. Он на миг прикрыл глаза, а когда открыл... линиялый тип уже мостился по ту сторону стола – тоже с кружкой пива. Отхлебнул. Отрыгнул. Отёр рукавом пенные усы. И, скашивая полупрезрительно, полупросительно раскрасневшееся лицо, сообщил, как судьбоносную новость:

– Ну и ветрище...

Уйти теперь было бы подозрительно.

«Что ж, сам виноват. Придётся допивать свои пол литра в компании».

– Да, норд-ост зарядил, подтвердил он то, что не нуждалось, в общем-то, ни в чём подтверждении.

– Бывалого воздухоплователя сразу видно, – произнёс линиялый, облапав ладную фигуру Климa липкими паучьими глазками.

«По ходу, я влип!» – мелькнуло в голове у «бывалого воздухоплователя». Но виду он не подал. Напротив, весело подмигнул супротив сидящему:

– А то! Ходили – знаем.

– Куда ходили? – незамедлительно последовал невинный вопрос.

– Известно куда! Каботажные: на купеческих...

– А на научных не доводилось?

– На всяких бывало...

Хлипкие глазки хищно прищурились.

– На дирижабле «Полюс», например?

Клим улыбнулся. Он уже был готов к подобному повороту разговора. Да и пиво успел допить.

– Бывал и на «Полюсе».

Важность мгновенно раздула линиялого человечка.

– Вот вас-то нам и надобно! – заявил он победоносно.

2.

Помощник положил на стол папку с бумагами. Обычную папку-скоросшиватель, на которой небрежным канцелярским почерком было выведено: «Дело №1063. Гибель дирижабля «Полюс»». Александр Васильевич не спеша просмотрел принесённые документы и передал папку другим членам комиссии. По правую руку от него сидел представитель воздушного флота – подтянутый, крепко сбитый капитан I ранга Отто Оттович Гинц. Солидная борода и чёрный с позолоченными пуговицами мундир не могли скрыть весёлого нрава, который светился голубоватыми искорками в глазах старого воздухоплателя. По левую руку от Александра Васильевича со скучающим видом протирал пенсне инже-

нер Максим Леонидович Свирцев. Именно он в своё время сконструировал и добился постройки двух экспериментальных воздушных судов: боевого цеппелина «Петропавловск» и научного дирижабля «Полюс». Это было нелегко, поскольку в правительстве считают подобные эксперименты пустой забавой, бессмысленным расточительством ресурсов. Максим Леонидович добился почти невозможного. Говорят, он в дружеских отношениях с руководством акционерного общества «Заслон», которое взяло часть расходов на себя.

Александр Васильевич отлично помнил тот вечер, когда решался вопрос о выходе дирижаблей в первое плавание. Непогода затянулась. Третий день дул сырой пронизывающий норд-ост, нагоняя с Экваториального цирка лёгкую, как дым, хмарь. Ветер то выл оголодавшим зверем, то ревел как неисправный двигатель. Особенно хорошо было слышно на лестнице. Когда старый слуга поднимался по ней наверх, неся поднос с едой, он чувствовал, как дрожат под ударами ураганного ветра усталые стены и перекрытия здания. Словно это дирижабль содрогался своим стальным корпусом.

Наверху, в комнате ставни были плотно затворены, в камине трещали в жарком пламени поленья, тёплый воздух волнами расходился по помещению, заставляя похрустывать обои подобно новеньким банкнотам. Всё тот же седой слуга, стараясь не привлекать к себе внимания, уверенно расставил на столе посуду, налил суп из кастрюльки, разложил фрукты по вазам, долил в опустевшие фужеры вино и тихо удалил-

ся. Впрочем, собравшиеся в гостиной люди были настолько увлечены разговором и изучением географических карт, что просто не заметили появления слуги.

Собравшихся было четверо. Максим Леонидович, одетый в серые в тонкую полоску брюки, свободную голубую рубашку, серый жилет с атласными синими вставками, что-то усиленно доказывал или разъяснял статному Отто Оттовичу. Чуть пообочь от них стояли Александр Васильевич и директор воздушной верфи Пётр Аркадьевич Стельмах – солидный мужчина с окладистой бородой.

Все говорили разом ине слушая друг друга.

– Господа, – слегка возвысил голос Александр Васильевич, – позвольте мне резюмировать. В чём мы все сходимся, так это в необходимости испытательного полёта как такового. Мы верим в его физическую осуществимость. Разногласия касаются только состава экспедиции и сроков. Выйти ли нам немедленно на одном «Полюсе» или подождать достройки «Петропавловска» и летом, при более благоприятных метеоусловиях, идти на двух дирижаблях сразу.

– Совершенно верно! Как директор верфи, – заявил Пётр Аркадьевич, – утверждаю со всей ответственностью, что «Петропавловск» не готов к походу. Необходимо полностью заменить компрессоры и часть такелажа. Работы на два – два с половиной месяца.

Максим Леонидович отхлебнул из бокала и резко опустил его на стол. Часть вина выплеснулась на скатерть.

– Для чего необходимо участие в экспедиции «Петропавловска»? – спросил он.

Отто Оттович вскинул на него удивлённый взгляд:

– Вам это прекрасно известно. Миссии предстоит двигаться на юго-запад до Новоархангельска вблизи территории недружественных нам государств. Мы не знаем, с чем можем столкнуться. Поэтому сопровождение боевого цеппелина не прихоть, а необходимая мера безопасности. Кроме того, это страховка на случай аварии: если один из дирижаблей выйдет из строя, второй может взять на борт пострадавший экипаж и продолжить путь.

– Верно. Но не проще ли вооружить «Полюс»?

– Не проще, – возразил Пётр Аркадьевич. – На «Полюсе» не предусмотрены ни площадки для орудий, ни погреб для боеприпасов, ни элеваторы для подачи этих боеприпасов к орудиям. Нет броневых щитов, защищающих от осколков. Всё это потребует таких серьёзных переделок, что экспедиция тронется в путь не раньше осени.

– Вы утрируете, – не сдавался Максим Леонидович. – Во-все не обязательно переделывать научный дирижабль в боевой крейсер. Достаточно установить несколько торпедных аппаратов и пару лёгких орудий. «Полюс» обладает хорошим ходом и манёвренностью, что позволит ему легко уйти из-под огня противника.

– Вы рассуждаете как дилетант! Только боевое охранение или хорошее артиллерийское вооружение самого «Полюса»

помогут в случае нападения, – в голосе директора верфи стало заметно раздражение.

Отто Оттович поспешил сгладить ситуацию. Он приобнял обоих спорщиков за плечи:

– Господа, не стоит лезть в бутылку!

Александр Васильевич также подался вперёд. Чёткие складки его белоснежного мундира, казалось, захрустели от стремительного движения.

– А если сделать так: мы предадим «Полюсу» для охранения два патрульных дирижабля...

– Патрульные дирижабли! – воскликнул Пётр Аркадьевич. – Вы шутите? Чем могут помочь эти жестянки?!

Не обращая внимания на столь патетические реплики, Александр Васильевич продолжил:

– ...И направиться не на юго-запад вдоль границы, а прямо на юг – в дикие земли, где вероятность встретить вражеский цеппелин равна нулю, для защиты же от воздушных лодок туземцев двух патрульных дирижаблей достаточно.

Отто Оттович одобрительно кивнул головой:

– Разумное предложение.

– Я не возражаю, – согласился Максим Леонидович.

Только Петру Аркадьевичу не хотелось так быстро уступить.

– Нужно всё хорошо взвесить, – сказал он, но уже спокойнее.

Вскоре «Полюс», ведомый опытным капитаном Черных,

отправился в свой первый и, как оказалось, последний поход... «Полюс» погиб. Погиб при крайне загадочных обстоятельствах. И прояснить эти обстоятельства предстояло именно им – троим членам государственной комиссии, заседавшим в здании администрации верфи, в одной из небольших комнат, лишённых окон и освещавшихся даже днём электрическими лампами. Из-за этого освещения у всех присутствующих лица казались нездорового желтоватого цвета.

Сегодня им предстояло заслушать показания единственного свидетеля – случайно уцелевшего аэронавта (или матроса, как говорили в народе) с «Полюса». Александр Васильевич не любил работать с людьми, хотя слыл хорошим психологом, умеющим разговорить, а то и «заговорить» самого упёртого преступника, так что тот сам выбалтывал нужную следствию информацию. Но люди казались Александру Васильевичу слишком предсказуемыми. Вот и сейчас, до того как ввели свидетеля, он уже понял как с ним держаться. Внимательно изучив «дело», он знал наверняка, что увидит уверенного в себе работягу, умного, но ограниченного, с сильным характером, возможно сочувствующего «отступникам». Такого не запугаешь, на мякине не проведёшь, но можно сыграть «своего парня», тоже начинавшего с низов.

В комнату в сопровождении помощника, действительно, вошёл типичный матрос: покачивающаяся походка, большие мозолистые руки, уверенный взгляд слегка исподлобья, одет в кожаную куртку и кепку, которую мгновенно смял в руке.

«Виду не подаёт, что волнуется», – отметил про себя Александр Васильевич.

– Присаживайтесь, – Отто Оттович кивнул на жёсткий стул, стоявший напротив.

Члены комиссии восседали за массивным столом красного дерева. Это создавало дистанцию, которая сейчас Александру Васильевичу была не нужна. Он встал со своего места и, обогнув стол, подошёл к секретарю, помещавшемуся за небольшой конторкой и приготовившемуся стенографировать разговор.

«Да, именно разговор, а не допрос», – решил Александр Васильевич. – «Лучше опустить все формальные вопросы и начать с сути дела. Формальные вопросы уместны только в том случае, если необходимо создать атмосферу холодной отстранённости и казённости. Тогда человек невольно чувствует себя не в своей тарелке, в чём-то виноватым, даже не зная за собой вины. Но сейчас требуется прямо противоположное: внушить этому толстокожему работяге доверие, показать заинтересованность в его судьбе, дать почувствовать себя «важной птицей», без показаний которой следствие не справится со своей миссией».

– Позвольте перейти прямо к делу, – обратился Александр Васильевич к остальным членам комиссии и, заручившись их одобрительными кивками, продолжил:

– Расскажите, как вы попали на борт «Полюса»?

– Обыкновенно, – ответил матрос, слегка пригладив про-

куренные усы. – Капитан Черных знал меня по торговому флоту. Ходил под его началом на сухогрузе взагранку. Когда стали вербовать матросов в экспедицию, то меня и пригласили одним из первых. На хорошем счету был...

– Вы аэронавт 1 класса?

– Да.

– Я тоже начинал механиком... отвечал за палубные механизмы. Помню, лебёдки у нас были старой конструкции, паровые: едва три тонны тянули... и то со скрипом...

– На «Полюсе» были хорошие электрогидравлические лебёдки. Работали идеально. Нам постоянно приходилось пускать их в дело, когда устраивали по пути следования склады с продовольствием и топливом.

– Один из этих складов спас вам жизнь? – вновь взял нить разговора в свои руки Александр Васильевич.

– Можно и так сказать. Когда мы достигли 73° южной широты, то спустились на небольшое плато посреди бескрайних заболоченных равнин и приступили к разгрузке.

– Где находились вы?

– Я работал у кормовой лебёдки. Разгрузка шла весь день. Когда стемнело, мы и увидели зарево – ещё очень слабое.

– Как оно выглядело?

Матрос задумался:

– Оно было... странным. Совершенно не похожим на отсвет пожара или на зарницы. Как будто столбы или полотнища ярко алого цвета исходили прямо из земли. Алое пламя,

поднимающееся высоко в небо и там рассеивающееся.

– Пламя было без дыма? – уточнил Максим Леонидович.

– Да. Оно всё возрастало. Ширилось. Среди механиков пошли разговоры, что навигационные приборы выходят из строя: стрелка компаса стала вращаться по кругу, радар почти ослеп, беспроводной телеграф не действовал. Люди были встревожены. Особенно на нижних палубах и в трюме.

– Выгрузка топлива и продовольствия к тому времени была завершена, я правильно понял? – задавая вопрос Александр Васильевич пристально следил за лицом и руками матроса.

– Да. Мы занимались тем, что переносили ящики и бочки в специально вырытое хранилище – по сути, в большую яму, накрытую бревенчатым настилом.

– Похоже на блиндаж.

– Да.

«Он немного волнуется. Почему?» – отметил про себя Александр Васильевич. И продолжил задавать вопросы:

– Дирижабль оставался на месте?

– Нет. Как только закончили разгрузку, капитан Черных, оставив часть команды переносить груз, приказал двигаться в сторону зарева.

– Патрульные дирижабли ушли вместе с «Полюсом»?

– Да.

– Но вы говорили, что люди были встревожены?

– Да. По мере того, как зарево ширилось, стали появлять-

ся зловещие язычки пламени на антеннах беспроводного телеграфа и верхушках деревьев.

– Огни святого Эльма? – встрепнулся на сей раз Максим Леонидович.

– Очень похоже. И лёгкий треск, словно кто-то рвёт ткань.

– Атмосферное электричество? – инженер казался крайне заинтригованным.

– Возможно.

– Но каков его источник?

– Вот это и хотел, скорее всего, выяснить капитан Черных.

– Вы остались на складе?

– Я руководил размещением бочек и ящиков внутри склада. Это и спасло мне жизнь в момент взрыва. Мне и ещё двум матросам.

– Опишите момент взрыва подробнее.

– Треск. Резкий, режущий уши треск. Земля как будто стала жидкой... Пошла волнами. Я потерял равновесие, упал.

– Что было дальше?

– Не помню... Когда очнулся, в хранилище было темно. И тихо. Я подал голос, крикнул. Откликнулись двое матросов. Один лежал у дверей. Другой оказался невредимым в глубине склада. Ни тот, ни другой ни за что не соглашались выглянуть наружу. Пришлось самому. Голова болела. Затылок разбит в кровь. Ужасная слабость в ногах. Я едва мог идти, держась за стены. Брёл на свет. Всё то же ярко-алое свечение

просачивалось снаружи. Вход был разворочен. Мне с трудом удалось выползти из склада через узкую щель.

– Что вы увидели?

– Я бывалый человек... Терпел крушение на дирижабле «Ермак», пережил нападение туземцев на фабрику, попал в ураганы, но тут впервые почувствовал, как от страха стынет кровь в жилах: деревья были повалены насколько хватало глаз, земля как будто взрыта и дымилась... А, главное – это зловещий алый свет... Всё – скалы, поваленные деревья, тела погибших, разбитые ящики... абсолютно всё излучало неестественный алый свет.

– Как вы добрались до города?

– Примерно за три месяца дошёл до ближайшего туземного становища, а оттуда на воздушной лодке.

– А те два матроса?

– Они погибли по пути. От цинги.

– Понятно. Что ж, благодарю вас. Можете расписаться в протоколе и идти. Вы пока свободны. Но не покидайте города. Если понадобится, мы вызовем вас ещё раз.

Матрос не спеша пролистал бумаги, поставил внизу закорючку, сдержанно поклонился и в сопровождении всё того же помощника вышел из комнаты.

Александр Васильевич вернулся за массивный резной стол.

– Какие будут мнения? – спросил он, хотя председателем формально являлся Отто Оттович.

Инженер Свирцев в очередной раз протёр пенсне и произнёс рассудительно, как и подобает представителю науки:

– Мы столкнулись с явлением загадочным и, возможно, опасным. Если верить свидетельским показаниям, взрыв, который погубил «Полюс», имел электрическую природу или сопровождался мощным электрическим импульсом. Это крайне необычно. До сих пор мы не наблюдали подобного в природе. Даже самые мощные грозовые разряды не обладают таким действием. Да и не похоже это на грозовой разряд.

– Вы хотите подвести нас к мысли, что явление имеет искусственную природу? – спросил прямо Александр Васильевич.

– Не исключено.

– А не могло это быть следствием неполадок в двигателе «минус-массы»?

– Нет, – Максим Леонидович категоричен. – В случае соприкосновения отрицательной массы с положительной обе исчезнут, но без выделения энергии. Такой процесс называется «обнуление». Никакого взрыва не произошло бы!

– Но это означает... – Отто Оттович бросил тревожный взгляд на инженера. – Что кто-то уничтожил дирижабль воздействием невероятно мощного оружия...

– Не только уничтожил дирижабль, но и «выкосил» весь лес в радиусе шестидесяти километров. Взрывная волна несколько раз обогнула планету, – Максим Леонидович сделал выразительный жест. – А теперь представьте вместо леса

густонаселённый город.

Повисла пауза. Внезапно Отто Оттович поднялся и произнёс с несвойственной ему торжественностью:

– Считаю своим долгом ходатайствовать перед Верховным Правителем об организации экспедиции к месту гибели научного дирижабля «Полюс» с целью...

Тут он немного задумался.

– ...С целью установления причины катастрофы и устранения возможной угрозы безопасности Новосибирской державы.

3.

Всю ночь за окном завывал ветер. Скрипели и слегка хлопали закрытые ставни. Дом был большой, с множеством комнат, коридоров, лестниц, но запущенный, необжитый. Привидения и сквозняки гуляли по его пустым комнатам, пыльным коридорам, расшатанным лестницам. Дом был деревянный, добротный, выстроенный ещё прадедом Максима Леонидовича – купцом первой гильдии, одним из первопоселенцев. Здесь, в этих комнатах тридцать лет назад и появился на свет любознательный мальчик Максимка. Здесь по тёмным углам ещё жались его детские страхи.

Вчера по пути с вокзала Максим Леонидович поразился тому насколько изменился город. Теперь наследственный особняк, укутанный плетущейся по стенам лозой, смотрелся анахронизмом среди новых зданий в современном минималистическом стиле. Особенно выделялись своими стеклян-

ными фасадами Пассаж и Акционерный банк на центральной улице, носящей, как и положено, имя Верховного Правителя. Окраины же заросли лесом из ажурных металлических мачт ветрогенераторов, дающих энергию для самой большой в державе воздушной верфи, вытянувшейся дымным чудищем вдоль левого берега реки. В толпе, заполнившей тротуары, засаленные пиджаки и куртки мелькали значительно чаще, чем крестьянские армяки, чиновничьи сюртуки и военные мундиры. Город из крестьянского и купеческого стремительно превращался в рабочий.

Стук в дверь отвлек Максима Леонидовича от размышлений.

– Да? – крикнул он пасмурно.

– Прошу прощения, но к вам посетительница, – голос старого слуги прозвучал из-за закрытой двери глухо, не уверенно.

– Я же просил: сегодня никаких посетителей!

– Очень просят принять. Говорят дело важное.

– Скажи, пусть приходит завтра. Я с дороги и никого не принимаю.

Старый слуга удалился, недовольно покашливая.

«Чёрт-те что!» – подумал Максим Леонидович, подымаясь с дивана. – «Стоит известному человеку появиться в провинции, как его начинают рвать на части».

Одет инженер был небрежно, по-домашнему. И переодеться ради неожиданной посетительницы ему не хотелось.

Вновь раздался стук в дверь.

– Она ушла? – крикнул Максим Леонидович.

– Она требует немедленно принять её! – резкий женский голос прозвучал как выстрел.

Всполошившись, Максим Леонидович локтем спихнул на пол кипу бумаг и тяжёлую хрустальную пепельницу, чудом уцелевшую. Грохот прокатился по зданию.

– Надеюсь, вы не застрелились? – немедленно прокомментировал всё тот же женский голос. Безо всякого сочувствия.

Максим Леонидович стремительно пересёк комнату и рывком распахнул дверь. Его узкий сухой нос упёрся в припудренный носик гости.

– Кто дал вам право врваться в чужой дом?

Растерянное лицо старого слуги мелькнуло на заднем плане.

– Не обессудьте, – запричитал он, – ей-богу, пытался не допустить...

– Я разберусь, – махнул успокоительно рукой Максим Леонидович. Слуга, побряхтывая, удалился.

Девушка лет двадцати–двадцати пяти, не отступив ни на шаг, не смилив прямого взгляда, произнесла с нескрываемым вызовом:

– Меня зовут Елизавета Черных. И вы меня слушаете.

– То, что вы являетесь дочерью капитана Черных ещё не даёт вам права...

– Я прошу всего лишь выслушать меня. Это займёт не бо-

лее получаса.

Только теперь Максим Леонидович заметил, что скандальная посетительница укутана в траурный шёлк и понял причину этого. Он посторонился в дверном проёме.

– Хорошо. У вас есть ровно тридцать минут.

Войдя, Лиза опустилась в широкое кожаное кресло у окна. Лёгкий сквозняк шевелил золотистые завитки её волос, которые выбились из причёски. Была она статной барышней с правильными чертами чуть широковатого лица и с зеленоватыми очами. Её чёрное шёлковое платье соответствовало последней столичной моде. Руки она держала в элегантной меховой муфте.

Максим Леонидович присел на стул, изготовившись слушать.

– У меня к вам просьба, – сказала Лиза самым будничным тоном, словно и не было никакой стычки.

– Я вас слушаю.

– Просьба очень простая. Я прошу включить меня в состав экспедиции.

Минуту длилось молчание. Лишь всхлипывал и присвистывал ветер за окном. Потом Максим Леонидович произнёс:

– С какой стати?

– Вы направляетесь к месту гибели «Полюса».

– Это не спасательная экспедиция. Я абсолютно уверен, что все, кто находился на борту «Полюса» погибли. Включая

вашего отца. Сожалею.

Максим Леонидович привстал, считая разговор оконченным, но девушка даже не заметила этого.

– Я знаю, что мой отец погиб и не тешу себя иллюзиями.

– Что тогда?

– Я хочу быть полезной.

– Похвально. Но я не беру на борт пассажиров. В состав экспедиции входят только те люди, которые в ней необходимы: аэронавты, учёные, рабочие...

– Я окончила Высшие женские курсы.

– По специальности «вязание крючком»? – не удержался от сарказма Максим Леонидович.

– Нет, – спокойно возразила Лиза. – Я физик.

Инженер улыбнулся в рыжеватые усы.

– Вы вправе считать меня ретроградом, но я не верю в женское образование. Кроме того экспедиция имеет вполне конкретную цель. У нас не будет времени на праздное любопытство.

– Моя специализация – материя с отрицательной массой. Это тема моей диссертации.

– Чудесно, – Максиму Леонидовичу становилась любопытна эта настырная барышня, но он не собирался уступать ей. – Только мне какой прок от вашей специализации?

– Я могу помочь в ваших исследованиях...

– Я не нуждаюсь в помощниках.

– Ваше открытие – это прорыв, который требует...

– Отрицательная масса не мной открыта.

– Я знаю. Теоретические работы появлялись достаточно регулярно. Но именно вам удалось на практике получить вещество с отрицательной массой. Подтвердить экспериментально его удивительные свойства: отталкивание любого другого вещества – как с положительной, так и с отрицательной массой, движение под действием любой силы, вплоть до силы инерции, в направлении, противоположном вектору этой силы...

– Совершенно верно, – подтвердил Максим Леонидович. – Если толкнуть вещество с отрицательной массой, то оно движется не в том направлении, куда его толкнули, а в прямо противоположном. А связка тел с равными положительными и отрицательными массами устремляется, всё ускоряясь, по прямой в бесконечность...

– Ведь отрицательное тело отталкивает положительное, а положительное притягивает к себе отрицательное...

– Именно так! При этом полная кинетическая энергия системы остаётся равной нулю: отрицательная масса накапливает отрицательную кинетическую энергию, которая точно компенсирует прирост положительной энергии тела с положительной массой.

– Многим это казалось абсурдом.

– Ещё большим абсурдом казалось, что на получение вещества с отрицательной массой не затрачивается энергия. И не только на получение, но и на транспортировку, и на лю-

бые иные действия с ним. Ведь в эйнштейновской формуле полной энергии тела $E = Mc^2$ вещество с отрицательной массой сохраняет полную эйнштейновскую энергию тоже отрицательной! Самым сложным было получить подобную материю. Тут, действительно, пришлось поломать голову! Ведь частицы с отрицательной массой могут только отталкиваться. Более того: поскольку частицы отрицательной массы под действием любой силы движутся в направлении, противоположном вектору этой силы, то и обычные межатомные взаимодействия не способны связать такие частицы в физические тела. Но мне удалось найти решение!

– Каким образом?

– А вот это уже секретная информация.

– В науке не должно быть секретов.

– В идеале... Но мы живём не в идеальном мире...

– В конце концов, я могу быть рядовым сотрудником в вашей лаборатории.

– К сожалению, штаты полностью укомплектованы.

– Сколько человек у вас работает сейчас?

– Это секретная информация.

– Я готова трудиться бесплатно. Вряд ли у вас в лаборатории так тесно, что нельзя поставить ещё один рабочий стол...

– Вынужден повторить: я не вижу необходимости в ваших услугах.

Максим Леонидович замолчал, считая разговор исчерпанным.

Однако странная гостья не собиралась покидать кожаное кресло у окна. Где-то внизу громко хлопнула ставня, и слышались шаркающие шаги старого слуги – видимо, он пошёл посмотреть, не разбилось ли стекло.

– Мне не хотелось прибегать к этому средству, – произнесла Лиза с искренним сожалением в голосе. – Я надеялась, что смогу убедит вас... Но увы... Видимо, другого выхода нет.

– Послушайте, если... – начал Максим Леонидович, но ему не дали закончить фразу.

Властным движением руки девушка достала из муфты маленький «дамский» браунинг.

4.

Максим Леонидович не сразу понял, что за чёрная штука нацелена на него, а когда понял – почему-то не испугался.

– Чего вы хотите этим добиться?

– Большой сговорчивости...

– Сожалею, что обманул ваши ожидания.

Максим Леонидович несколько театрально облокотился о конторку. Лиза поднялась из кресла; лицо её стало безжизненным.

– Мне нужна вся техническая документация двигателя на основе «минус-массы».

– Я уже говорил: это секретная информация. Естественно, она не хранится дома.

– На верфи?

– Да, в лаборатории. В нескороаемом шкафу. Под охраной и сигнализацией.

– Едем туда немедленно.

– На ночь глядя?

– Да.

– Ни за что!

– Я вынуждена буду стрелять, – с холодным спокойствием произнесла девушка.

– Вы не решитесь.

– Уверены?

– Во-первых, убить человека – не муху прихлопнуть. Во-вторых, на звук выстрела прибежит слуга. В-третьих, убив меня, вы ничего не добьётесь: документы останутся в сейфе под надёжной охраной. Так что вам лучше убрать оружие и немедленно убраться из моего дома. Даю слово, что не буду звонить в полицию.

И в этот момент грянул выстрел. Пуля ударила в стену в нескольких сантиметрах от левого уха Леонида Максимовича, слегка контузив его и поцарапав висок острым осколком штукатурки.

– Следующая будет в лоб, – сообщила Лиза.

– И ваш слуга не прибежит на помощь, – добавил невесть откуда взявшийся коренастый рабочий в картузе. – Сложно бегать со связанными ногами.

Максиму Леонидовичу ничего не оставалось, как подчи-

ниться грубой силе и проследовать вниз по скрипучей лестнице, пройти через гостиную, где на диване лежал спеленатый портьерой слуга, выйти на пустынную, освещённую газовыми фонарями улицу, сесть в стоявшую за углом коляску и отправиться «под конвоем» на верфь. Мужчина правил лошадьми, а Лиза устроилась на сидении напротив Максима Леонидовича, демонстративно сунув руку с браунингом в муфту.

Инженер по-прежнему не испытывал страха, но особого желания жертвовать жизнью тоже.

– Хорошо, – произнёс он, преодолевая звон в голове, – допустим, что вы получите желаемое... Что дальше? Продадите документы конкурирующей фирме? За рубеж? Ради чего вы рискуете? Стоит ли игра свеч?

– Наоборот, мы хотим вырвать ваше изобретение из частных рук, – решительно заявила Лиза. – Оно должно служить всем, а не кучке барышников, к какой бы нации они не принадлежали...

– Кто бы мог подумать, что дочь капитана Черных наберётся подобных идей... Возможно, это правильные идеи. Благородные идеи. Беда в том, что это книжные идеи. А жизнь не укладывается в готовые схемы: в реальной жизни нет общих верфей, на которых можно было бы строить дирижабли для всех!

Возница внезапно обернулся с облучка:

– Дай срок – будут!

В неверном – колеблющемся, мерцающем полосами – свете фонарей Максим Леонидович скорее угадал, нежели признал в коренастом рабочем того самого матроса с «Полюса»... Как же его звали? Запомнил... Сам же подписывал протокол и – вот – пробел...

Пока он пытался вспомнить, успели подъехать к высоким стальным воротам верфи. В деревянной будке рядом дремал сторож.

– Я обожду вас здесь, – сообщил опознанный, но так и не названный возница. – Инженер, который привёл барышню вечером к себе в кабинет, выглядит легкомысленно, но понятно, а вот работяга в той же компании в нерабочее время уже вызывает подозрения.

Так они и подошли к сторожевой будке вдвоём: Максим Леонидович впереди, Лиза следом за ним – шагах в трёх. Мощный фонарь над воротами резким электрическим светом вытравливал малейшую неопределённость, не оставляя места сомнениям. Очнувшийся сторож смущённо и от этого преувеличенно долго возился с замком. Ещё дольше шли они по пустынной верфи между краснокирпичных зданий, тёмно-серых металлических механизмов, светло-серых деревянных ящиков...

– Какая она огромная! – вырвалось у Лизы. – Я не думала... Или вы нарочно меня кругами водите?

Максим Леонидович невольно улыбнулся. И удивительно ему показалось, что можно шутить в таком положении, как-

то нелепо, поэтому улыбнулся он ещё шире – уже своим мыслям. Весело, щекотливо стало на душе. «Ну, что ж, – подумал, – посмотрим, чем закончится это приключение».

Шедшая позади него Лиза не видела улыбки. Но ей тоже (от ходьбы ли, от близости развязки) стало легче.

– Стоп машина! Прибыли, – сообщил Максим Леонидович, упёршись в металлическую дверь, вделанную в глухую кирпичную стену. Справа взбиралась на крышу крашеная красной краской пожарная лестница.

Выживая из кармана ключи, инженер с мальчишеским азартом подумал: «Сигануть бы сейчас вверх по лестнице...» Но не чувствовал он в себе прежней прыти, чтобы в три маха одолеть стену и, опершись на руку, разом забросить послушное тело на плоскую крышу. Он ещё был строен, подтянут, бодр, но мышцы уже утратили прежнюю упругую отзывчивость. «Догонит меня пуля, как пить дать – догонит», – решил Максим Леонидович, ещё раз глянул на пожарную лестницу и отпер дверь.

Вошли в тёмное, ничем не освещённое помещение. Судя по гулкому отзвуку шагов – не маленькое.

«Вот ещё шанс, – мелькнула шальная мыслишка в инженеровой голове. – Нырнуть в темноту, скинуть ботинки и неслышно выскользнуть через запасный выход...» Но мелькнула и погасла вместе с щелчком выключателя.

В вытянутом прямоугольном зале без окон, как в тесном пенале карандаши да ручки, лежали длинные ряды чертёж-

НЫХ СТОЛОВ.

– Где хранится документация? – спросила Лиза, озираясь.

– У меня в кабинете.

– Ведите.

– Уже недалече, – ободрил её Максим Леонидович.

В конце зала за тонкой фанерной перегородкой, не дошедшей до потолка, помещался простой канцелярский стол с зелёным сукном, пара жёстких стульев, стеллаж с книгами и несгораемый шкаф в углу.

Максим Леонидович помедлил, примеряясь к замочной скважине.

– Пока ещё не поздно разойтись подобру-поздорову, – сказал он, без особой, впрочем, надежды. – Подумайте...

Лиза нетерпеливо мотнула головой, разметав рыжеватый волос по плечам.

– Не тяните. Всё уже обдумано. Чем быстрее мы покончим с этим делом, тем лучше для всех.

– Вот с этим я полностью согласен, – внезапно произнёс кто-то у Лизы за спиной, и холодноватое железо коснулось её затылка. Девушка замерла.

– Правильно: не делайте резких движений, – заметил всё тот же голос. – Медленно положите муфту на стол. Та-а-ак, хорошо... Теперь сядьте во-о-он там. И не шумите. Я человек нервный, мало ли чего... Не хотелось бы такое милое личико превращать в липкую кровавую кашу.

Успевший уже отворить тяжёлую дверцу и даже вытащить

пару папок плотного матового картона Максим Леонидович узнал Александра Васильевича.

– Как вы вовремя! – порывисто воскликнул он.

– Погодите радоваться, – охладил его порыв следователь, пряча Лизин браунинг в карман белоснежного кителя. – Нужно разобраться.

Максим Леонидович немного отступил назад и с облегчением опустился на стул: тот самый стул, который столько времени служил ему основанием для размышлений.

– Мне известно, кто вы и зачем вы здесь, – сообщил Александр Васильевич Лизе. – Поэтому опустим формальности. Сделаем так: я отправлюсь за жандармами, а вы посидите здесь в компании Максима Леонидовича. Правда, мне придётся связать вам руки... На всякий случай. Вы не возражаете?

Лиза молчала.

– Вот и чудно! Люблю покладистых женщин.

Он ловко опутал тонкие руки пленницы шпагатом, которым до этого были стянуты кипы чистой канцелярской бумаги.

– Не туго?

Лиза по-прежнему молчала.

– Так-то оно надёжнее.

И, круто повернувшись к Максиму Леонидовичу, добавил:

– Присмотрите пока за барышней. А я в ближайшее отде-

ление за нарядом.

– Да, конечно, – поспешно согласился инженер. – Только... будьте осторожны: у ворот ждёт сообщник...

– Благодарю за предупреждение, – кивнул Александр Васильевич, попутно сгребая со стола папки с документами.

– Это секретная информация. Её нельзя выносить из помещения, – забеспокоился Максим Леонидович. Даже соскочил со стула. Но Александр Васильевич усадил его обратно, положив свою широкую ладонь на плечо и доверительно шепнув на ухо:

– У нас она будет сохраннее. До окончания расследования.

5.

Некоторое время прошло в напряжённой тишине. Лиза молчала. Максим Леонидович поминутно выглядывал из-за фанерной перегородки, ожидая возвращения Александра Васильевича с жандармами. Но ничего не происходило.

В какой-то момент инженер уже решил сам идти за помощью, но тут здание вздрогнуло, словно от мощного удара. Так что Максим Леонидович едва устоял на ногах. Громоподобный раскат на мгновение оглушил его. Лампы на потолке лопнули, разбрызгав осколки и погрузив всё помещение во тьму, чертёжные приспособления опрокинулась со столов, а со стен посыпалась штукатурка.

– Развяжите меня! – выкрикнула Лиза, наткнувшись в

темноте на Максима Леонидовича. – Нужно выбираться наружу.

– Сейчас выберемся, – заверил её инженер, однако рук не развязал.

Он первым выглянул за дверь и едва не отшатнулся назад.

– Верфь горит!

Так оно и было. Огонь, раздуваемый ветром, стремительно поглощал цеха, склады, причальные мачты, компрессоры. Языки пламени взмывали ввысь гигантскими протуберанцами. Жар опалял лица даже на расстоянии в сотню метров. В воздухе носились огромные лохмотья пепла.

– Да развяжите же меня! – вновь потребовала Лиза.

На сей раз Максим Леонидович так и сделал. Он хотел бежать к воротам, но недавняя пленница решительно направилась вглубь верфи.

– Куда вы? Сгорите!

– Хочу глянуть, что там с «Петропавловском»! – крикнула на бегу Лиза.

– Сумасшедшая!

Когда Максим Леонидович и Лиза добрались до шестого дока, где был ошвартован «Петропавловск», пожар уже подступал к цеппелину.

– Нужно немедленно уводить его! – недолго думая Лиза бросился через толпу рабочих к причальной мачте. Следом за ней побежало ещё несколько человек. В том числе, слегка поколебавшись, и Максим Леонидович в своём домашнем

костюме, так контрастировавшем с рабочими блузами и пиджаками. Люди бежали сломя голову, словно ветер, раздувавший пламя, подгонял их в спину и распалаял искру азарта у них в душе.

Пересёкши залитую грязной водой площадку, бегущие обогнули кирпичное здание компрессорной станции и стали взбираться по винтовой лестнице, опоясывавшей причальную мачту. Им предстояло подняться на высоту двадцатиэтажного дома. Многие стали отставать, сидели, прислонившись спиной к металлическим конструкциям или к кабелям. От дыма и гари было трудно дышать. Жар сушил глаза. Одна только Лиза неутомимо, с почти механической равномерностью взбиралась по ступеням вверх. Она достиг площадки, с которой был перекинут трап на нижнюю палубу «Петропавловска». Крепкий ветер едва не сбивал с ног, так что пришлось вцепиться в поручни ограждения. Лиза оглянулась. У неё за спиной возник из дымного воздуха знакомый силуэт.

– Клим! – крикнула Лиза. – Сможешь запустить моторы?

С тем же успехом она могла бы кричать в подушку: плотный поток горячего воздуха вгонял звуки назад в горло. Но Клим понял её без слов.

Они перебрались через пляшущий под порывами ветра трап на борт дирижабля. Здесь, на нижней палубе, царил полумрак, лишь мутный свет дежурных ламп указывал расположение дверей и приборных щитов. Дирижабль качало заметно меньше, чем трап: во-первых, в силу его размеров

– покачнуть многотонную громаду даже ураганному ветру сложно, а во-вторых, потому что воздушное судно было надёжно пришвартовано с помощью стальных канатов.

Клим бросился в машинное отделение, а Лиза стремительно поднялась на командный мостик. К её удивлению там уже находился Отто Оттович. Он смерил девушку скептическим взглядом:

– Кто вы?

– Не важно, – выпалила задохнувшаяся от бега Лиза. – Важнее, что я умею управлять дирижаблем.

Взгляд Отто Оттовича стал ещё более скептическим:

– С навигационными приборами знакомы?

– Да.

– Становитесь на место штурмана. А я за штурвал. В машинном кто-нибудь есть?

– Есть.

– Отлично.

С мостика открывался великолепный обзор через высокие – от пола до потолка и вдоль всех стен – стёкла, которые в случае боевой тревоги закрывались бронированными ставнями. Было видно практически всю верфь: где что горит, как движется огонь и какие последствия это за собой влечёт. Последствия выглядели удручающе. Отдельные языки пламени уже достигали причальной мачты. Люди, не успевшие подняться на дирижабль, теперь стремились как можно быстрее спуститься вниз. Но несколько рабочих, не смотря

на то, что одежда на них тлела от сыпавшихся искр, задержалось у кнехтов, отсоединяя стальные канаты.

«Спасибо, братцы», – похвалил их мысленно Отто Оттович. Он сдвинул рукоять машинного телеграфа на команду «самый малый вперёд», после чего встал к штурвалу. Багровые отсветы плясали на металле механизмов и на стёклах приборов. По корпусу пробежала лёгкая дрожь, послышался привычный рокот работающих моторов, палуба под ногами приятно завибрировала. Отто Оттович слегка повернул штурвал, отводя дирижабль от причальной мачты. Огромное судно легко, как лодка на глади реки, подчинялось воле человека. Старому воздухоплавателю всегда нравилось это ощущение.

Словно пуповина, соединяющая дирижабль с материнской верфью, лопнули последние несколько кабелей. Теперь – прибавить хода и набирать высоту! Но едва Отто Оттович положил руку на машинный телеграф, как ровный рокот моторов сбился с высокой ноты на нервное басовитое жужжание, затухавшее и вскоре стихшее окончательно. Воздушное судно ещё двигалось по инерции, но всё медленнее и медленнее. Отто Оттович сорвал с рычага переговорную трубку:

– В чём дело?! – крикнул он безо всяких предисловий.

Там, в машинном отделении, его голос, усиленный динамиком, прогремел почти угрожающе. Но Клим даже ухом не повёл. Он сосредоточенно всматривался в приборы. И его волнение выдавало лишь то, как ожесточённо он жевал свой

прокуренный ус.

На мостик сообщил скупо:

– Нет питания. Генератор не работает.

Отто Оттович тут же сообразил в чём дело:

– Видимо ремонтная бригада запитала судно от наземной станции. Попробуй запустить генератор.

Клим услышал шум у себя за спиной. Обернувшись, он увидел в дверях машинного отделения Максима Леонидовича, причём в самом неожиданном виде: волосы растрёпанны, костюм покрыт копотью и прожжён искрами, пенсне треснуло. Откашлявшись, он произнёс хриплым голосом:

– Можно перекинуть питание на моторы с аккумуляторных батарей.

Клим глянул на приборы. Действительно, аккумуляторы были заряжены.

– Их заряда хватит максимум на 15 минут, – заметил старый аэронавт с сомнением.

– За 15 минут мы успеем отойти от горящей верфи на безопасное расстояние. Не рассуждайте – действуйте! Я помогу вам.

Аккумуляторный отсек находился в хвостовой части, поэтому пришлось бежать туда через весь дирижабль по гулким пустым коридорам. Дежурное освещение едва позволяло различать предметы, но Максим Леонидович и Клим как-то звериным чутьём угадывали возникавшие преграды и благополучно избегали открытых люков в палубе. Сам от-

сек оказался очень тесным: вдвоём и то развернуться было сложно.

– Нужно перебросить кабели с аварийного освещения, вентиляции и прочей ерунды на питание электродвигателей, – распоряжался по привычке инженер, хотя сейчас в его распоряжениях никто не нуждался.

Вдвоём с Климом они обесточили кабели и разъединили их. Это было не сложно. Но когда в крошечной тьме (лампы погасли повсеместно) попытались протянуть эти жилистые, обёрнутые в несколько слоёв изоляции «вермишелины» до клемм электродвигателей, обнаружили, что они коротки. Не хватало метра три.

– Амба! – выругался Клим. – Поджаримся мы в этом дирижабле, как куры в гриле.

Максим Леонидович, успевший порвать рукав рубахи о какой-то штырь, озлился:

– Прекратите ныть! Нужно вытащить аккумулятор из отсека в коридор.

– Легко сказать, – Клим чиркнул спичкой и с сомнением оглядел массивный цилиндр, прикреплённый к палубе болтами размером с кулак.

– Не рассуждать – действовать! Хватайте кувалду, сбивайте болты!

– Это не реально. Нужно откручивать.

– Чем? Голыми руками? – возразил Максим Леонидович и, сняв с пожарного щита кувалду, принялся лупить со всей

силы по болту. Искры брызнули на брюки инженера, прожигая добротную ткань. Но он не обращал внимания на материальный ущерб в порыве энтузиазма. Крепление деформировалось под ударами, однако оставалось на месте. Клим схватил у Максима Леонидовича кувалду и ловко – в пару махов – сбил превратившуюся в подобие сморчка шляпку болта. С оставшимися тремя он разделался ещё быстрее.

С величайшим трудом приподняли они аккумуляторную батарею и буквально выволокли её в коридор. Когда уже стали тянуть кабели, дирижабль сотряс оглушительный удар. От грохота и скрежета заложило уши. Палуба рывком ушла куда-то в сторону и вниз, а затем с силой ударила по ногам, отбросив инженера и аэронавта в разные стороны. Тяжёлый аккумулятор перевернуло на бок. Максим Леонидович услышал неприятный до мурашек в спине хруст, а затем мучительный человеческий хрип. В полной темноте он попытался нашарить в кармане спички, но безуспешно. Плюнув на это дело, позвал товарища:

– Клим! Ты где?

Тот отозвался сдавленным от боли голосом:

– Нога... Чёрт!

– Я сейчас помогу, – инженер ползком добрался до аккумулятора: так ему почему-то казалось надёжнее, чем на ногах.

– Бросьте, – почти прорычал Клим, задыхаясь. – Не поднимать... вам... тяните кабель... а то амба...

Ощупью Максим Леонидович нашёл кабель. Потянул. Но тот не поддавался. Противоположный его конец, как и нога матроса, оказался под аккумуляторной батареей. Инженер до крови ободрал руки и почти содрал ногти, однако все его усилия оказались тщетны. Он слышал тяжёлое прерывистое дыхание Клима, постепенно затухающее, исчезающее в зловещей тишине. Отчаяние сжало сердце Максима Леонидовича.

– Вот теперь амба, – прошептал он.

И внезапно почувствовал чью-то сильную ладонь у себя на плече. Вздрыгнул от неожиданности.

– Позвольте, – произнёс знакомый голос.

Максима Леонидовича легонько сместили в сторону. Затем он услышал, как зашуршал кабель, заскрипели гайки и, наконец, заурчали электродвигатели. Вспыхнуло освещение. Инженер сидел на палубе, прислонившись спиной к переборке. Рядом лежал без сознания Клим – одна его нога была придавлена аккумулятором, превратившись в кровавое месиво. А чуть поодаль стоял, отирая пот с лица, Отто Оттович.

– Я должен вернуться на мостик, – сказал он спокойным голосом. – А вы заступите пока на место вахтенного механика.

Максим Леонидович невольно взглянул на бледное, почти уже безжизненное лицо Клима.

– Наложите жгут. Больше мы ничем не можем ему сейчас помочь, – понял его мысль Отто Оттович. – Но мы обязаны

спасти дирижабль. Всё остальное – потом. Действуйте.